

Первый Новый год блокадного города

Из почти трех миллионов жителей Ленинграда, оказавшихся в кольце вражеской блокады, в городе оставалось около 300 тысяч детей. Несмотря на все трудности, постоянные бомбежки и артобстрелы, голод и смерть, ленинградцы в меру сил и возможностей заботились о детях. В первую блокадную зиму работали девять школ, во вторую — уже 84.

На выставке «С Новым годом! С грядущей Победой!», которая сейчас работает в Музее обороны и блокады Ленинграда, представлены дневниковые записи взрослых и детей, отмечавших новый 1942-й год в блокадном Ленинграде, детские и елочные игрушки военных лет, украшенная блокадная елка, фотографии детских праздников, проходивших в городе.

Из дневника Тони Журиной (15 лет):

«1 января 1942 года нам, учащимся, дали пригласительные билеты на елку в Драматический театр им. Горького. Во время спектакля несколько раз объявляли тревогу, спектакль прерывался, мы все спускались в бомбоубежище. После спектакля были накрыты столы. Нам каждому дали по маленькой котлетке с гречневой кашей».

Из школьного дневника:

«6 января. Сегодня была елка, и какая великолепная! Правда, я почти не слушала пьесы: все думала об обеде. Обед был замечательный. Дети ели медленно и сосредоточенно, не теряя ни крошки. Они знали цену хлебу, на обед дали суп-лапшу, кашу, хлеб и желе, все были очень довольны. Эта елка надолго останется в памяти».

Воспоминания участника блокады

П.П. Данилова: «Из содержимого подарка мне запомнились конфеты из льняного жмыха, пряник и 2 мандарина. По тому времени это было очень хорошее угощение».

Боря Капранов (16 лет) осенью 1941 года был эвакуирован с родителями и братьями в Ленинград из Колпино. «Сейчас дров нет, в комнате мороз, кипятку согреть негде, хоть помирай. Неудивительно, что на улице падают люди от истощения. В Ленинграде в день умирают, говорят, от 6 до 9 тысяч человек. Сегодня последний день Старого года, и новый встречать нечем. Только и слышно, скорей бы увезли из Ленинграда, хоть бы раз поест вдоволь хлеба и картошки или чего-нибудь. Вырваться бы из Ленинграда и уж больше бы сюда не поехали.

1/1 — 42 г. Сегодня наступил Новый год.

Что он нам несет — тайна покрытая мраком. Впервые мы так встречали Новый год — даже не было крошки черного хлеба и вместо того чтобы веселиться вокруг елки — мы спали, так как нечего было есть. Когда вчера вечером я сказал, что уходит Старый год, то мне ответили: «К черту с этим годом, провалиться бы ему сквозь землю!». И действительно, я того же мнения, и 41 год никогда не забуду. А Новый год принес еще меньше радости. Хлеба не добавили, продуктов в магазинах нет, сахару, конфет и жиров еще за третью декаду не давали. Опять я едва таскаю ноги, дыхание спирает и жизнь уже не мила. Не видать бы мне тебя, Ленинград, никогда. На улице все так же падают люди от голода. У нас в доме померло несколько человек, и сегодня из нашей комнаты просили мужчин вынести покойника. В столовой ничего, кроме жидкого плохого супа из дуранды, нет. А этот суп хуже воды, но голод не тетка, и мы тратим талоны на такую бурду. В комнате только и слышно, что об еде. Люди все жалуются и плачут. Что-то с нами будет? Выживу ли я в этом аду?»

Алексей Евдокимов, мастер завода «Краснознаменец» (27 лет): «24 декабря 1941 года. ...За сегодняшний день из нашего цеха умерли восемь человек. Живу в цеху. До 1-го домой придти пожалуй не удастся. Как хочется жить. Только бы не заболеть и не упасть...»

1 января 1942 года. Новый год. Только сегодня утром после 24 декабря пришел домой. Новый год встречал в цеху и нечего в сегодняшней комнате снова не придется. Снова иду в цех. Жить стало легче. Прибавили хлеба. Теперь я уже получаю по 350 гр. Это уже хорошо. Тем, что в столовой обеда резко улучшились. Мы спасены — смерть была близка. Сегодня на моих глазах в цеху умер один рабочий».

Дневник Владимира Фокина, мастера энского завода: «1/1 1942 года. Новый год справили хорошо. Полина напекла по одной лепешке из картофельной кожуры, где она достала эту кожуру я не знаю. Я принес две плитки столарного клею, из которого сварили студень, ну и по тарелке «бульона». Вечером ходили в театр смотрели постановку «Машенька». Но смотреть было неприятно, в помещении холод такой же, как и на улице, все зрители сидят в инее. t -35 градусов».

Владимир Кулябко, начальник команды МПВО Института холодильной промышленности. «31/XII-41. 11 ч. вечера. Итак, кончается 1941 г., год войны, ужасов и

страданий многих миллионов русских людей, находящихся сейчас под властью проклятых немцев; страданий людей, потерявших на войне своих близких и дорогих людей; страданий беженцев, для многих из коих это беженство вылилось в тяжелые переживания и бедствия. Наконец, ужасы бомбежек, обстрелов, долгой неизвестности и ожидания плена немецкого, наконец, последняя грань — голод нас ленинградцев; многие тысячи смертей от бомб и снарядов и, наконец, думаю, что многие тысячи смертей от голода, который сейчас властвует над всеми остальными переживаниями и ужасами. Плюс к этому: света нет, отопления во многих и многих домах нет, в том числе выключен вот уже два дня и наш дом, трамваев нет, и вода дается с перебоями. Вот в таких условиях мы, ленинградцы заканчиваем этот 1941 г. и будь он проклят отныне и до века, будь прокляты немцы и их фашизм, приведший нас к такой жизни. Верю, что 1942 г. хотя тоже будет не из легких из-за войны, но он явится новой зарей возрождения России, он в тоже время должен быть и будет милой фашизму и могилей всем немецким варварам от высших, начиная с проклятого фюрера, до последнего бандита — коричневорубашечника, сидящего сейчас на нашей земле на холоде, в голоде и во вшах. Пусть этот год всем им принесет лишения и смерть. Да будет так».

Виктор СЛУХОВ, фото автора

По материалам выставки «С Новым годом! С грядущей Победой!». Орфография оригиналов сохранена.

Адрес музея: Санкт-Петербург, Соляной пер., 9. Открыт ежедневно с 10.00 до 17.00, в среду — с 12.30 до 21.00, выходной день — вторник, последний четверг месяца — санитарный день. Тел. 275-75-47.

